

Сад, что вырос под виселицей

Лука Некрасов

18+

Лука Некрасов

Сад, что вырос под виселицей

«Издательские решения»

Некрасов Л.

Сад, что вырос под виселицей / Л. Некрасов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749735-4

Альберт Эйнштейн сказал: «Я не знаю, чем будут воевать в третьей мировой войне, но в четвертой мировой люди будут воевать дубинками и камнями». Как прозаично для человека предрекать Апокалипсис. Последние два века старой эры чуть ли не каждый день становился Судным. Наверно, самыми любимыми были теории ядерной войны и Армагеддона, но и идея вторжения внеземных форм жизни тоже нашла своих воздыхателей. Кто бы мог подумать, что Эйнштейн ошибется. Третья мировая прошла, а человек жив.

ISBN 978-5-44-749735-4

© Некрасов Л.
© Издательские решения

Содержание

«Я роль художника избрал, мои воспоминанья – кисть, слова мои пусть будут краски»	6
Пролог	10
Глава 1.	11
Глава 2.	15
Глава 3. Тройственность	21
Часть 1. Акведуки	21
Часть 2. Ватикан	25
Часть 3. Курорт Конфедерации	27
Глава 4.	28
Глава 5.	32
Глава 6. Безумия	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сад, что вырос под виселицей

Лука Некрасов

© Лука Некрасов, 2016

© Роман Самборский, дизайн обложки, 2016

Корректор Юлия Шибкова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Я роль художника избрал, мои воспоминанья – кисть, слова мои пусть будут краски»

Здравствуй, дорогой читатель, в этой главе Автор хочет рассказать тебе свой сон. Прошу отметить, что Автору весьма неловко, так как в его понимании сон – это что-то личное и сокровенное. Сон подобен частному театру, в котором даже сам собственник не всегда имеет право вмешиваться в представление. Выносить же магию сна на общее обозрение в принципе недопустимо. Возможно, именно поэтому люди редко помнят свои сны. Принято считать, что наша память устроена так, дабы мы забывали бессмысленную информацию, и якобы только поэтому люди свои сны не помнят. Автор понимает, что такая позиция имеет место быть, и соглашается с ней разумом, но все же сердцем принять её не в состоянии. Если говорить откровенно, Автор помнит всего два сна из своей жизни. Первый – это странный детский кошмар, в свое время потрясший его до глубины души, и второй посетил его нынешней ночью, с седьмого на восьмое октября, в съемной квартире третьего по размеру города России. Это был четвертый день как Автор переехал в этот мегаполис из сравнительно небольшого города-спутника в области. Вообще, я живу с товарищем, ради экономии, но в тот день сосед сообщил, что на две недели переедет к девушке, и я остался в квартире один. Автор проучился в этом мегаполисе больше пяти лет, но товарищей ему подарил город немного, можно просчитать по пальцам одной руки. Знаешь, дорогой друг, в тот вечер я действительно почувствовал себя как никогда одиноким, но самое странное, что я нисколько не расстроился. Перед тем как сомкнуть глаза и увидеть самый дивный сон в своей жизни, Автор поймал себя на мысли, что действительно счастлив.

Солнце светит ярко, но не ослепляет, его лучи согревают мое расслабленное тело. Такое чувство, что я только что проснулся, но сон еще до конца не сорвал свои оковы. Этакая легкая лень – каждый из нас хоть раз испытывал подобное чувство, сибаритствуя в кровати в выходные дни. Кажется, что дело идет к закату, но, забегая вперед, скажу: так и продлится на протяжении всего спектакля – приглушенный мягкий свет, как от настольной лампы, прикрытой торшером, станет мне верным спутником в царстве Морфея¹. Автор приподнялся, тут же пришло понимание, что он лежал на крыльце небольшого домика. Домик двухэтажный, тепло-телесного цвета, углы сглажены, чем-то похож на строения в арабском стиле. В памяти всплывает любимый мультик детства: Аладдин, уличный босьяк, как раз прыгал по таким домикам. Следующим действием камера как будто отдалается, Автор видит себя издалека. Представьте себе довольно большой холм, усыпанный десятками таких домиков, построенных вдоль серпантинной дороги, мощеной брусчаткой – такие дороги покрывают, наверно, добрую половину Италии. Вдоль дороги стоят фонари, классические, из чугуна бронзы. Правее от холма виднеются лазурные воды океана, но самое необычное – это растительность, которой усеян холм. Я довольно часто встречал такой колорит в ботаническом саду осенью у нас, в Сибири. Вся палитра красок: тут и солнечно-желтые листья березы, оранжевые листочки дуба, ярко-красные кленовые, изредка можно было увидеть и зеленые тона, но по правде это были уже не листки, а колючки различных хвойных.

Автор встал с лестницы и потянулся, камера в его голове приняла вид от третьего лица. На мне был легкий темно-зеленый свитер и коричневые брюки в клетку. Я спустился с крыльца и обнаружил классический черный велосипед с корзиной спереди, в таких корзинках обычно возят продукты европейцы в провинциях – сразу вспомнились эти нелепо длинные батоны, торчащие из бумажных пакетов. Велосипед был аккуратно прислонен к стенке и, очевидно, ждал меня. Так и началось мое путешествие в мире грез. Камера вновь как будто отдалилась –

¹ Бог сновидений в греческой мифологии.

на секунду всплыл кадр, как я спускаюсь по серпантину, – затем вновь приняла вид от третьего лица. Автор почти не крутит педали, серпантин довольно пологий, поэтому скорость тоже не особо большая, периодически удается закинуть руки за голову, отпустить руль и любоваться видами океана. Время течет нарочито вальяжно, в духе этого прекрасного вымышленного города. Я бы с удовольствием пожил в таком, если бы он существовал, конечно. Серпантин кончается, и Автор спускается в город – похоже, на холме стояла деревня. Город же напоминает классическую Италию с ее узкими переулками и крутыми подъемами. В городе я пробыл довольно долго, но это не самая интересная часть истории, думаю, ее можно и опустить. Единственное, что запомнилось, так это то, что я не встретил ни одного человека. Складывалось ощущение, будто весь люд испарился. В проулках города Автор находил кафешки с накрытыми столами и еще дымящимся кофе, брошенные продуктовые лотки, даже привязанного английского бульдога, ждущего своего хозяина у магазина. Но людей не было – что ж, это мне весьма подходит.

Не знаю, сколько прошло времени, но один из городских проулков вывел меня к воротам сквера. Большие, чугунные, двухметровые прутья толщиной с большой палец взрослого мужчины украшали острые пики на конце. Одна половина была повалена, по обе стороны рос бурьян. «Видимо, сквер запущен, нет смысла туда ходить», – произнес вслух Автор. Сзади я услышал мягкий женский голос: «А мне там нравится». Автора обогнала молодая девушка. На голове черная шляпа с полями, золотые волосы идут до пояса, белая рубашка заправлена в короткие джинсовые шорты, на ногах походные сапоги коричневого цвета, за спиной туристический рюкзак. Я окликаю ее, она поворачивает корпус и окидывает меня взглядом. Лицо красивое, но в меру, на носу очки-половинки, которые кажутся совсем неуместными для молодой девушки. В руках развернутая книга, она читала ее на ходу, руки украшают плетеные браслеты. И тут я замечаю ее глаза – надо сказать, ничего удивительнее в жизни я припомнить не могу. У девушки были золотые глаза в буквальном смысле, радужка её глаза была золотая с голубым зрачком в центре. Я повторюсь, в жизни мне попадались девушки и покрасивее, но ни к одной я не испытывал такого благоговейного притяжения. Ее образ в целом был самым воплощением тепла и доброты. В немом оцепенении я стоял, как придурок, и грелся в лучах вечного теплого заката. Девушка рассмеялась теплым звонким смехом, затем присела на корточки, положила книгу у дороги. Она вновь повернула ко мне голову, и по моему телу начало расходиться тепло, я чувствовал, как оно медленно заполняет меня, от кончиков ушей до пальцев ног. Вместе с теплом симметрично темнели волосы девушки. Темная краска заливала ее золотые волосы, и вот передо мной уже брюнетка с обычными голубыми глазами. Девушка заправляет волосы в японский хвостик. И уходит в сквер. Автор медленно подходит к развернутой книге и читает там:

Вертиго

Здравствуй, дорогой читатель, в этой главе Автор хочет рассказать тебе свой сон. Прошу отметить, что Автору весьма неловко, так как в его понимании сон – это что-то личное и сокровенное...

В общем, как вы уже догадались, Автор читал описание сна, который еще даже не закончен. Он сомкнул книгу и посмотрел на обложку. Лука Некрасов, «Сад, что вырос под виселицей». То бишь название книги, что вы сейчас читаете – странно, но я еще не написал и половины книги. А Лука Некрасов – это мой псевдоним, если честно, я склоняюсь к тому, чтобы его не использовать.

Девушка не оставила Автору выбора; аккуратно положив книгу в корзину на раме велосипеда, он въехал в ворота сквера, с силой нажимая на педали. Поразительно, но какую силу

он бы ни прикладывал, велосипед едва ли превышал скорость человеческого шага. Этот мир не терпит суеты, пришло мне на ум. Еще какое-то время я сопротивлялся пудам Морфея, сквавшим колеса моего велосипеда, но в итоге плюнул, слез с сидухи и покатил его руками. Отказавшись от навязчивой идеи ускорить время в этой утопии, я открыл удивительный мир. Мой дорогой друг, Автор очень долго думал, как донести до тебя все краски и чувства, что довелось мне пережить в ту ночь в этом сквере. И решил, что правильнее всего будет начать с ощущений. Если вы когда-нибудь дрейфовали на волнах на надувном матрасе или спасательном круге, то вам они знакомы. Я говорю, конечно, не о ситуации шторма – нет, в данном рассказе речь пойдет о ленивой, даже преступной расслабленности: ваши глаза закрыты, теплые лучи солнца греют ваше тело, а волны слегка раскачивают матрас под вами. Теперь представьте, что такие же ощущения можно получить, когда идешь по тропинке в сквере; я даже не шёл – я будто скользил по траве, сквер постепенно сменился на цветочное поле, которое раскачивалось и переливалось волнами, будто это не поле или луг, а настоящий океан цветов. Именно этот океан я и запомнил лучше всего, и именно из-за него решил поделиться с вами этим сном, который, если сказать по правде, мало имеет отношения ко всей остальной книге. Что ж, предлагаю вам воспринимать его как небольшой рассказ перед началом основной истории, ну а пока что давайте вернемся к полю. Автор долго не мог придумать, как описать его. Помимо того, что поле колыхалось под ногами, будто море во время прилива, вернее будет сказать даже, как флаг на флагштоке. Все цветы были нарисованы маслом – да, это было не настоящее поле, а нарисованное мазками кисти. В поисках подобного поля я пересмотрел почти все работы известных мне художников, но так и не нашел стопроцентного сходства. Ближе всех мне показались работы Жан-Марка Янчика. К сожалению, его нельзя назвать знаменитым художником. Правда, Автор очень слаб в искусстве кисти, хотя имел удовольствие видеть множество картин: с коридоров Лувра ему улыбалась Джоконда, пугал чудной «Сон» Дали в залах музея Тиссена, побывал я и в Эрмитаже, и Третьяковской галерее. Лично на меня произвел впечатление только «Купидон» в доме Юсуповых в Петербурге: с какого угла на него ни посмотри, стрела всегда направлена на тебя. Знаете, наверно, чтоб понимать живопись, она должна тебе по-настоящему нравиться, – работы этого художника действительно резонируют в моем сердце, они как будто поймали в себе радугу. И вот я плыву по волнам масляного поля с олифами всех цветов радуги. Теплый бриз наполняет мои легкие запахом океана с легким ароматом пыльцы, приходит понимание, что я посетил океан цветов. По правую руку меня вновь обгоняет девушка, из-за которой я пустился в плаванье по этому прекрасному океану. Мы довольно долго шагаем вровень, я внимательно изучаю ее. Девушка вновь приняла вид, что был при первой встрече. Длинные медовые волосы и золотые глаза с голубым зрачком. Она мне тепло улыбается, мной овладевает смущение, будто я инфантильный подросток. Судорожно размышляя над тем, с чего начать разговор, естественно начинаю его невпопад.

– Ты что здесь делаешь?

– А ты?

Еще какое-то время идем молча.

– Я спросил первый, – вновь завожу разговор.

Она смеется, проходит мимо и толкает плечом, я пытаюсь ухватить ее за ускользящую руку, но безуспешно. Девушка разворачивается ко мне лицом, растворяет руки в стороны и, слегка оттолкнувшись от земли, начинает падать на спину – не раз видел подобные сцены в фильмах, обычно так падают постояльцы только что въехавшие в номер отеля (правда, вместо океана цветов у них шикарная кровать), но разве может кровать, пусть даже самая роскошная, сравниться с моим чудесным океаном. После падения цветы взмывают вверх подобно брызгам, вся моя одежда заляпана разноцветными кляксами краски. Я отвлекся лишь на мгновение, а ее уже и след простыл, начинаю хаотично всматриваться в линию горизонта, но все тщетно. И тут Автор совершил оплошность, ценой которой стало чудо. Хаотично глотая воз-

дух, вглядываясь во все закутки сказочного мира, Автор ищет золотые глаза. Можно сказать, это была погоня за золотом: подобно старателям Аляски, я одержим моей собственной золотой лихорадкой, а самое забавное, что и симптомы одинаковы. Эпилогом данной погони стало то, что всегда и портило все мои отношения с женщинами... я начал думать. Знаешь, дорогой друг, все получилось настолько прозаично, что даже противно. Вспоминается одна библейская история из Нового Завета. Иисус учит Петра ходить по воде, и сначала Петр делает успехи, но на секунду он сомневается в Христе – естественно, тут же уходит под воду. Так и я: только усомнился в чуде, как сон ослабил свои путы. И вот оно утро, кофе и грустный Автор, дописывающий главу, в которой, казалось, мало общего с основной линией. Видишь ли, дорогой друг, Автор не считает этот рассказик своим творением, ведь он не придумал его, как полагается хорошему фантасту, а скорее срисовал подобно художнику. Эта история не более чем подарок Гипноса² – велика ли заслуга того, чья роль лишь описательная? Я роль художника избрал, мои воспоминанья – кисть, слова мои пусть будут краски.

² В древнегреческой мифологии персонификация сна, божество сна.

Пролог

Альберт Эйнштейн однажды сказал: «Я не знаю, чем будут воевать в третьей мировой войне, но в четвертой мировой люди будут воевать дубинками и камнями». Как прозаично для человека предрекать Апокалипсис. Последние два века старой эры чуть ли не каждый день становился Судным. Наверно, самыми любимыми были теории ядерной войны и Армагеддона, но и идея вторжения неземных форм жизни тоже нашла своих воздыхателей. Кто бы мог подумать, что Эйнштейн ошибется. Третья мировая прошла, а человек жив, и даже больше чем жив – он преуспевает. Конечно, теперь все иначе, но кто сказал, что иначе — значит хуже?»

Глава 1. Месса

«Люди без страха либо идиоты, либо нелюди, лишённые вообще всего человеческого!»

Ранним осенним утром сто двадцать пятого года новой эры пред жителями Альрика (второго по размеру города Великой Троицы) в центральной части города, вблизи площади имени Святого Августина, происходило не виданное доселе зрелище. На балконе четвертого этажа гостиницы Святой Елены пила кофе абсолютно нагая девушка. И все было бы, наверно, не столь страшно, если бы балкон был крытым, но тонкие чугунные прутья толщиной не более пальца и с пробелами между ними с кулак взрослого мужчины едва ли скрывали от взгляда зевак хотя бы кусочек обнаженного тела девушки. Юную леди, с виду двадцати-двадцати трех лет от роду, публичная нагота не волновала ни сколько. Девушка о чем-то напряженно размышляла, периодически улыбаясь кучке народа, за пару минут собравшегося внизу. *«В этом году выдалась необычно теплая осень. Надо же, плюс пятнадцать – такого ноября не было на моей памяти уже лет пять точно. Сегодня просто необходимо прогуляться по городу, я слышала, что на Авраамовом холме есть парочка неплохих бутиков».*

– *Саша, поторопись, мы можем не успеть на службу!* – раздался мужской голос из комнаты за спиной юной леди. Девушка перевернула кружку, с края которой упала последняя капля напитка, грациозно развернулась и вошла в комнату отеля. С улицы донеслись разочарованные возгласы и свист. *«Животные»*, – с усмешкой прошептала она. В комнате стоял молодой мужчина, возрастом около тридцати лет, спортивного телосложения, с темно-русскими волосами и карими глазами. Юноша явно был зол и не собирался сдерживать нахлынувшие на него эмоции.

– *Ты что, в таком виде выходила на балкон?*

«Похоже, опять попался якобы образцово-показательный. Ну, да ладно, я думаю, женщина ему дороже, чем этот вялый образ праведника», – размышляла Саша.

Затем откинула с плеча каштановый локон и медленно подошла к молодому человеку. Неспешно сложила бархатные ручки ему на плечи, начала нежно играть волосами на голове юноши, сворачивая прядь то по часовой, то против часовой стрелки. Потом пристала на носочки и прошептала на ухо:

– *Яков, не сердись, я не нарочно.*

Плотно прижавшись к телу юноши, зашептала еще тише:

– *Зачем спешить в церковь в выходной, давай посидим дома, я приму душ, а потом приготовлю завтрак.*

Яков явно поддался чарам! Сейчас в его голове шла борьба между долгом и желанием – скажем прямо, долг претерпевал фиаско.

– *Понимаешь, я недавно стал каноником при соборе Святой Луизы! Я должен быть примером для прихожан!*

Саша закрыла глаза. Ливень мыслей не прекращал лить ни на секунду, все новые и новые варианты подсказывал внутренней голос: *«Вялая попытка компромисса, глупец, хочет убить сразу двух зайцев, пора выставить его отсюда или, может быть, стоит еще немного поиграть с ним? А почему бы, собственно, и нет?»* Саша притворно закатила глаза и начала цокать языком. Этот звук сильно раздражал собеседника – чтоб хоть как-то сбросить напряжение, Яков то сжимал, то разжимал пальцы. Парень был готов уже сорваться и выскользнуть из объятий леди, проронив слова возмущения касательно неуместного поведения девушки. Но Саша умела удивительно хорошо чувствовать грани мужских эмоций, а соответственно, легко кру-

тила любим мужчиной! Почувствовав, что напряжение Якова достигло апогея, леди легко оттолкнула его, будто не он вырвался из объятий, а она отвергла их.

– А я думала, что каноникам не пристало спать с первой встречной.

Лицо юноши на мгновение побелело. Но он взял себя в руки и ответил:

– Степень каноника не предполагает обет безбрачия!

Саша ехидно улыбнулась, развернулась вполборота и присела на кровать. Вальяжно подняла сумочку, что лежала на полу, достала оттуда баночку черного лака и начала красить ногти на ногах. Накрасив пару, подняла голову, посмотрев в глаза Якову, и произнесла.

– Ты не обманешь меня, Яков, тебе разрешено жениться единожды и только по любви!

Естественно, что спать с женщиной ты можешь только для продолжения рода!

– Может быть, я влюбился!

В глазах юноши засверкали огни. Саша усмехнулась

– Ты накачался алкоголем в дешевом баре и приставал к какой-то студентке; когда она тебя отшила, подсел ко мне. Нет, это не любовь, это похоть.

Каноник взревел от гнева.

– Тогда ты, получается, проститутка. Да, у меня есть свои слабости, но ты во сто крат хуже.

Саша вновь начала рыться в сумке. Неловкое молчание и звук копошившийся в сумке леди накалил атмосферу до предела. Наконец Саша остановилась, похоже, нашла то, что искала. Она вытащила руки, медленно развела их в стороны, будто зевая, улыбнулась и разжала правую кисть. Вниз полетел крошечный серебряный кортик с рукоятью в виде распятыя. Кортик остановился в паре сантиметров от земли – оказалось, это амулет на длинной серебряной цепочке, конец которой весел на большом пальце Саши. Леди с выдохом, якобы устала, наклонила голову на левое плечо и подперла подбородок правой рукой, в которой болтался амулет. Каноник поменялся на глазах: складывалось впечатление, что юношу начало лихорадить. Он трясся, стучал зубами, на лбу выступили капли пота. Юношу просто трясло от страха. Кое-как парень поднял указательный палец, ткнул им в сторону Саши и произнес: «Астарта». Юная леди улыбнулась и слегка кивнула, произнеся «угу».

Спустя полчаса комната отеля Святой Елены была битком забита новыми постояльцами. Четверо инквизиторов разместились по периметру номера, от каждого из них веяло холодом, большинство людей вовсе приняли бы их за восковые фигуры, если бы не суровый взгляд, бдительно осматривающий каждый закоулок комнаты. Новый иеродиакон отдела Инквизиции был, скажем так, большим любителем жутких образов. Поэтому новая форма отдела полностью совпадала с его репутацией в участке. Темно-серый тряпичный камзол, на котором белой нитью вышиты семь смертных грехов, черные кожаные берцы, перчатки и плащ с капюшоном под цвет камзола с рваными концами у основания и серебряным распятыем на спине. Иеродиакон Инквизиции был явно человек со странностями и любитель воплощать свои странности в жизнь. Безумец, превративший палачей во фриков, говорили о нем в обществе! Но при всех этих, так сказать, странностях иеродиакон – надо отдать ему должное – знал свою работу идеально. По его соображениям, главным инструментом отдела должен быть страх. Наверно, поэтому форма была срисована с какого-нибудь романа ужасов средневековья, но образ новой Инквизиции, созданный идейным начальником, не долго оставался поводом для насмешек. С новым имиджем пришла и новая политика, даже более деспотичная и кровавая, чем во времена Инквизиции старой эры. Яков, сидящий на полу комнаты прекрасно понимал, что значит появление инквизиторов: юношу колотила судорога, которая не утихала уже около тридцати минут, по признанию Саши.

Дабы уловить суть происходящего, вам понадобятся небольшие разъяснения. С вашего позволения я начну.

Как вы помните, сама догадка о том, что Саша может быть астартой, привела Якова в ужас. Отсюда вытекает логичный вопрос, кто такие астарты? Астарты – это особое подразделение на службе Управления правосудия Троицы (собственно, как и Инквизиция). Оба отдела являются карательными силами Управления. Как карает Инквизиция, думаю, вы догадались – методы не сильно поменялись со времен старой эры. Методы отдела Астарта иные, можно сказать, даже противоположные отделу Инквизиции, но, тем не менее, ничуть не менее эффективные. Астарты – это самое изощренное орудие правосудия Управления. Нельзя стать астартой, не имея одной патологии (метод приобретения патологии не важен: она может быть как и врожденной, так и приобретенной). После третьей мировой, когда были сформированы три державы и наступил мир, на территории Троицы были найдены девочки-близнецы со странными отклонениями. В их крови присутствовал смертельный яд диамфотоксин³. Очевидное невероятное, но содержание в крови смертельного яда совершенно не отражалось на жизни девочек. На этом бы и закончилась история о патологии близнецов, если бы они обе выбрали обед безбрачия. Но в возрасте девятнадцати лет одна из сестер совершила половой акт с молодым человеком. Во время соития юноша потерял сознание, и по приезду скорой помощи молодой человек уже скончался. В дальнейшем диагностировали отравление диамфотоксином. Интерес со стороны церкви Троицы заиграл с новой силой. В ряде экспериментов было установлено, что во время соития девушек с противоположным полом их партнер всегда умирал вследствие отравления. От бесконечных тестов и экспериментов близняшки в скором времени погибли. Но ученые Троицы научились прививать патологию другим женщинам. Не все могли выдержать подобное вмешательство – из трехсот испытуемых выживало не больше двоих. Патология приживалась только в младенчестве, до четырех месяцев отроду. И только у младенцев с сильной иммунной системой. Спустя пятнадцать лет был выпущен первый отряд астарт.

В то время Инквизиция не справлялась с чисткой улиц. В Троице, как тогда, так и сейчас, чтоб получить работу в государственных органах, будь то работа в Управлении (альтернатива полиции), суде или просто коммунальной службе, требовался сан в церкви. Идея заключается в том, что духовники, посвятившие свою жизнь служению божьему, менее коррумпированы и более порядочны, чем другая, менее сознательная часть населения. Естественно, что желающих обучаться в духовной семинарии стало в разы больше. Для многих людей духовенство стало лишь механизмом для продвижения по карьерной лестнице. Люди неукоснительно, чисто показательно исполняли религиозные предписания и нравственные правила под прищелком духовенства, но вели распутную и греховную жизнь, когда скрывались от глаза церкви. Подобное фарисейство наносило большой удар по репутации власти Троицы. Власть приняла решение начать кадровое сокращение, ответственными за чистку стали инквизиторы и астарты. Приговор за фарисейство выносился в Троице чаще любого другого. Подобно осужденным по статье «враг народа» у коммунистов, фарисеям грозили пытки и смерть в случае, если их раскрывала Инквизиция. Отряд Астарта стал, наверно, самой гуманной смертной казнью в истории человечества. Найдя подозреваемого, астарта пробовала соблазнить его, если глупец поддавался искушению, сотрудница агентуры проводила с ним ночь, естественно, во время полового акта преступник умирал от отравления. Управление было более чем довольно новым отрядом! На удивление, астарты внушали больше ужаса, чем Инквизиция. Молодые люди боялись знакомиться с девушками (даже если сами не имели никакого отношения к духовенству). Со временем страх поутих: все-таки в стране, которую населяют около ста

³ Сильнейший яд биологического происхождения! Встречающийся ранние только в крови личинок южноафриканского жука-листоеда, оказывает весьма необычный эффект на зараженный организм. Яд разрушает эритроциты и снижает содержание гемоглобина в крови, иногда до 75%.

пятидесяти миллионов женщин, риск наткнуться на одну из двадцати не сказать чтоб уж очень велик. Плюс проституция с улиц, конечно, не ушла, а некоторые публичные дома стали давать гарантии, что их путаны не астарты.

Как я уже говорил, страх перед астартами поутих и отошел на второй план. Многие горе-фарисеи стали неосторожны, опасаясь гонений Инквизиции, зачастую просто забывали, что угроза может быть и скрытой, что она может подкрасться в образе невинной, наивной девушки, которая как бы случайно поддалась искушению. То же случилось и с Яковом, который уже около часа бился в конвульсиях в комнате отеля Святой Елены.

– *Почему он до сих пор жив, Саша?* – не выдержав, спросил самый мрачный и огромный инквизитор отряда. Леди оперлась правой кистью о подбородок, закатила глаза и медленно, смакую каждое слово, произнесла:

– *Дьякон Бальтозар, я думала, вам должно быть известно, что Синод пожаловал мне звание игумена? Но, все же допуская, что по ряду причин от вас могла ускользнуть эта информация, в связи с этим я лично доношу ее вам. Естественно, я не могу вообразить, чтоб вы не соблюдали субординацию, ведь ваш непосредственный начальник очень любит повторять: если мы не будем соблюдать субординацию – притупим уважение, притупим уважение – исчезнет страх! А люди без страха либо идиоты, либо нелюди, лишённые вообще всего человеческого!»*

Инквизитор преклонил колено.

– *Я прошу прощения, леди Саша!*

Девушка улыбнулась.

– *Так-то лучше, что вы хотели узнать, дьякон?*

– *Госпожа, скажите, почему эта мерзость еще жива?*

– *Такое случается крайне редко, последний случай был около двух лет назад. Некоторые мужчины в состоянии пережить ночь с астартой. Заберите его в темницы! Еще пару часов его будет лихорадить, а после вы должны сделать так, чтоб он был не рад, что выжил!*

– *Слушаюсь.*

В дверь аккуратно вышел первый инквизитор, за ним вышли еще двое, волоча за руки каноника, последним номер покинул дьякон Бальтозар. И хоть он весьма учтиво поклонился Саше, в его глазах сверкнули злобные искры. Леди же удостоила дьякона только безразличием. В ответ на его реверанс лишь небрежно мотнула рукой, дабы мужчина поторапливался и быстрее выметался из номера. Дверь захлопнулась, и в номере отеля наступила тишина. Если бы дьякон увидел, что происходило в номера после его ухода, то посчитал бы эту картину как минимум странной, но, скажем прямо, инквизиторы не самые романтические люди. Привлеченная тишиной из номера, на балконе чиркала парочка пестрых канареек, теплые солнечные лучи осеннего солнца пробивались через тюль комнаты, который развеивал теплый муссон с юга, шевеливший длинные каштановые волосы необычайно красивой юной леди. Саша сидела на кровати, скрестив ноги, приложив большой палец правой руки к губам, а четверо других сжав в подобие кулака, ее глаза были закрыты, лоб украшала одна еле видная морщинка, говорившая о том, что леди о чем-то напряженно размышляет. Так продолжалось на протяжении пятнадцати минут, все это время в голове у Саши мелькала одна мысль: *«Откуда он достал диалексид?»*

Глава 2. Землю Советам – Власть крестьянам!

Я бы не поверила своим глазам, но у меня еще есть уши, и услышанное подтверждало весь ужас увиденного!

Если рассматривать семью как социальный институт, а труд домохозяйек приравнять к реальной работе (за что ратуют, в том числе, и сами так называемые трудящиеся), откуда тогда сложилось такое осуждения к карьеристам? Если дом — это работа, а домохозяйка посвящает всю себя дому, значит, она также является карьеристом. Тупик! Наверное, все же, если у человека нет ничего, кроме семьи, это говорит только о том, что он зауряден и не способен сделать что-то действительно значимое.

126 год новой эры

5 июня (среда)

Добрый вечер, уважаемый дневник. Еще не решила, буду ли вообще тебя вести, но попробовать ведь можно, правда? Меня зовут Тэя Рэйн, студентка юридического факультета ЛГУ. Подрабатываю журналистом в «Комсомолке». Сегодня сама вступила в комсомол. Комсомолка работает в «Комсомолке», забавно, правда? Я решила вести дневник именно с сегодняшнего дня, потому что влюбилась, пока не знаю, как его зовут. Но я уверена, что скоро это выясню.

7 июня (пятница)

Дорогой дневник, теперь я буду вести тебя постоянно! Я даже придумала тебе имя. Тебя буду называть Крисом. Так вот, Крис, я знаю, как звать парня, в которого я влюблена. Никогда не догадаешься: его зовут Исаак. Он говорит, что это имя библейское, представляешь? Мой возлюбленный — демократ. Я было сначала расстроилась, думая, что он кто-то вроде посла и скоро уедет, но оказалось, что он работник Западно-Европейского посольства и останется у нас в стране еще на три года. Подумать только, Крис, как раз через три года я закончу университет, и он сможет увезти меня с собой, правда здорово!

8 июня (суббота)

Сегодня суббота — похоже, что посольство работает только по будням. Исаак приходит обедать в студенческую столовую каждый день в полдень. Членов посольства кормят у нас в университете бесплатно, и маловероятно, что он пойдет куда-то в другое место. Раньше, когда я с ним общалась, каждые пять минут он закатывал рукав рубашки, чтоб посмотреть на часы. В итоге вышел из столовой ровно без двадцати час, путь до посольства занимает около десяти минут. Значит, на работе он был без десяти час. Все эти факторы говорят, что Исаак крайне пунктуальный человек, и на обед он опоздать не мог. Вдобавок ко всему, он каждый раз обедает за одним столиком, столик далеко не лучший, он находится рядом с уборной, зато никогда не бывает занятым. Исаак неуютно чувствует себя на новом месте, ему важно, чтоб его стол всегда был свободен. К тому же официантка всегда задает только один вопрос: «Вам как всегда?» Исаак здоровается и кивает. Я так с ним и познакомилась, заметив, насколько он зависит от привычек. Пришла на пять минут раньше него, заняла его место и заказала то же, что и он...

9 июня (воскресенье)

Крис, мне скучно, мало того, что сегодня я опять не смогу увидеть Исаака, так сегодня еще и университет не работает.

10 июня (понедельник)

Привет, Крис, сегодня опять обедала с Исааком. Он такой смешной: представь, верит в бога. Он сказал, что на Западе все верят в бога, вот умора.

11 июня (вторник)

Опять кушала с Исааком. Просто болтали.

12 июня (среда)

Во время обеда слегка задела ножкой ногу Исаака. Его руки начали нервно постукивать, а взгляд больше не поднимался от его обуви – ему не хватало смелости даже посмотреть на свои часы. В итоге дурачок так перенервничал, что облился компотом и убежал.

13 июня (четверг)

Пятнадцать минут первого, Исаака до сих пор нет. Мне не видно входную дверь, но официантка уже два раза к ней подходила. После первого раза бросила взгляд в мою сторону. Наверняка ее попросил проверить Исаак, который стоит сейчас у двери и не решается войти. Лучше не идти к нему сейчас. Сделаю вид, будто ничего не заметила. Завтра он должен подойти, я явно ему понравилась. Наверное, сегодня полночи будет себя бранить за то, что струсил, а завтра попытается реабилитироваться.

14 июня (пятница)

Крис, ты можешь себе представить, сделал вид что ничего не было. Ну, нет, я это так просто не оставлю! В понедельник разыграю такой спектакль!

15 июня (суббота)

Обычный день.

16 июня (воскресенье)

Дура, дура, дура! Как я могла, так облажаться! Посол – человек, который не может быть привязан к рутинному распорядку дня! Каждый день должен отличаться от предыдущего. Обычно такие люди презирают рутину, желание во что бы то ни стало упорядочить хотя бы малую часть времени может означать только одно: человек прожил большую часть своей жизни по расписанию! Вариантов не так уж много: тюрьма, армия и монастырь! Педант из религиозной страны, живущий по расписанию. Ест вегетарианскую еду по средам и пятницам. Вел себя как очень уверенный молодой человек, без капли смущения, до того, как я до него дотронулась. То есть, несмотря на очевидное, он даже в голове не мог себе представить подобную ситуацию. И это его поведение в четверг: он боялся зайти не от смущения, а от того, что может не сдержаться и начнет ухаживать за мной. Точно, это объясняет его поведение в пятницу! Исаак ночью не собирался с силами, чтоб подойти ко мне, а наоборот подготовил себя к борьбе с искушением общения с девушкой. Он священник или монах, может, послушник, так или иначе, он дал обет безбрачия. Какая же я все-таки дура!

17 июня (понедельник)

Я спросила Исаака, почему он не сказал, что он священнослужитель. Он удивился, начал расспрашивать, кто мне рассказал. Я поделилась своими наблюдениями и дала пару советов, как ему вести себя, чтоб больше никто не догадался.

В благодарность Исаак объяснил, почему ему важно, чтоб никто не знал, что он в прошлом церковнослужитель. Партия еще как-то могла вытерпеть миротворца-демократа на своей территории, но никак не священника. В лучшем случае, Исаака просто депортируют, если всплывет его прошлое.

Затем Исаак немного расслабился и объяснил мне разницу между священнослужителем и церковнослужителем (не могу быть уверена на сто процентов, но, вроде бы, первый — это высший клирик в православии, а второй — низший и должен помогать первому в богослужении).

4 июля (четверг)

Привет, Крис, давно не виделись, с 18 июня до сегодняшнего дня уезжала на практику. Всю группу повезли работать в близлежащий колхоз. Я так торопилась, что забыла тебя, прости. Крис, там было безумно скучно, я чуть с ума не сошла! А местные парни — просто ужас, настоящие варвары. Как ни крути, а гордиться нашим пролетариатом лучше на расстоянии. Один из этих придурков усиленно ухаживал за мной. Правда, его ума хватило только на то, чтобы подарить мне букет полевых цветов и лапать меня за задницу, как я попадусь ему на глаза. Я написала жалобу председателю, но толку от этого было мало. Он оказался такой же невежественной свиньей. Сказал, что, мол, у них такие комплименты, и ударил меня по заднице. Ну, ничего, я в отместку накопила кучу компромата на их колхоз, в частности, на председателя, сегодня же закончу статью! Моему редактору очень понравится, так и вижу завтрашний заголовок! «Председатель колхоза имени Фридриха Фридриховича Энгельса — Иудушка или политическая проститутка?» Конечно, такой заголовок никогда бы не пропустили, но когда-то сам товарищ Ленин высказался так в сторону Троцкого, а, как известно, цензура на слова вождей не распространяется. Подумать только, вести дружескую переписку с сестрой, проживающей в Конфедерации — согласись, уже зазорно. Вдобавок, представь себе, Крис, она еще беженка. Между прочим, осужденная по 58 статье как враг народа. Вместо того, чтоб выдать свою сестру, этот предатель переписывается с ней, да еще и рассказывает стратегические данные о отгрузке, приемке товара, обороте колхоза в целом и т. д. Это — врагу народа, проживающему в Конфедерации. Товарищу председателю придется многое объяснить, думаю, пойдет по той же статье, что и его сестрица.

5 июля (пятница)

Сегодня в редакции все такие счастливые, так и светятся. Конечно, а как иначе, ведь в этот самый день, 5 июля 1943 года Советская армия начала битву на Курской дуге. После нашей победы вблизи Орла мы перестали отступать и начали давить нацистскую Германию. Это счастливейший день для любого советского человека. Крис, когда сегодня играл гимн, я была столь тронута, что даже заплакала. Это ничего, что моя статья о председателе на второй странице. Я полностью согласна с редактором, что на первой странице мы должны почтить память наших великих предков, а только потом уделить внимание грязи, не достойной носить гордое имя Советского гражданина. Жалко, правда, что заголовок не пропустили. Якобы Ленин оставил заметку в состоянии черновика, и «О краске стыда у Иудушки Троцкого» была опубликована уже после его смерти!

6 июля (суббота)

На улице подошел познакомиться парень, очень красивый, оказался, как и я, комсомолец. Зовут Мишей, завтра идем зоопарк.

7 июля (воскресенье)

Крис, Миша очень хороший, у нас так много общего. Представляешь, у него тоже любимый фильм «Приключения Электроника». Я, конечно, не стала с ним целоваться на первом свидании. Да он и сам не попробовал, хотя я сразу поняла, что он очень хочет — так и должен себя вести настоящий комсомолец.

8 июля (понедельник)

После занятий пошли с Мишей в кино. Там он взял меня за руку. Я сразу заметила, подушечки его пальцев все в мозолях. Значит, парень играет на гитаре или балалайке, но когда я спросила его, на чем он играет, Миша сказал, что никогда не играл на музыкальных инструментах. Он что-то от меня скрывает!

11 июля (четверг)

После двух часов валялась на газоне в центральном парке, ждала Мишу, он должен был прийти из больницы. Михаил говорил, что уже больше недели лежит в больнице на дневном стационаре, поэтому мы встречались после обеда. К полтретьему я подошла к памятнику маршала Жукова, там мы встречались сегодня, Миша пришел только через двадцать минут, хотя прекрасно знал, что я ненавижу, когда опаздывают. Долго извинялся, я не подала виду, что обижена, сказал, задержали на процедурах. И тут, Крис, знаешь, что я увидела? Кусочек водорослей на его сандалии! Но откуда в больнице водоросли? Надо было его проверить. Я долго всматривалась в его ладонь, и мне показалась, что я вижу песок. Он был на пляже, я была почти полностью уверена, но нужно было убедиться. Миша полез целоваться, я решила, что лучшие шанса не представится и запустила, как бы невзначай, ладонь в его волосы. Как и думала, они все были в песке. Миша определенно был сегодня на пляже, а не в больнице. Вопрос, зачем он мне врал?

Наверно, измена, надо будет проверить.

14 июля (суббота)

Миша пригласил меня в гости, я согласилась. Но он привел меня явно не в свою квартиру! Во-первых, он начал открывать дверь от себя, когда она открывалась на себя. Согласись, уже вызывает подозрения. Сперва я решила, что он перевозбужден, мы поднимались, держась за руки, по лестнице, и я не упустила момента сосчитать его пульс — он был как у спортсменов на марафоне. И поэтому оплошность с дверью я списала на то, что он хочет со мной интимной близости. Но на этом ляпы не закончились, вернее, только начались. Обувь у порога с разницей в два размера, свежий окурок в туалете (о чем свидетельствовал запах табака). Думаю, часа два, три назад кто-то курил в уборной, Миша в это время был со мной. Вдобавок рыжий волос — Миша шатен — на расческе и халате (можно было бы предположить, что у Миши мог быть гость, но такой же волос я нашла на зимней куртке — гость, должно быть, гостил в доме с зимы, — которая тоже, кстати, была великовата для Михаила). Вдобавок ко всему, компьютерная мышь лежала относительно клавиатуры справа (так как и клавиатура, и мышь были проводные, сомнений не оставалось: хозяин дома правша), Миша был левшой. В этой квартире жил кто угодно, но только не Михаил! Крис, больше всего на свете я ненавижу, когда из меня делают дуру, поэтому я притворилась, что у меня звонит телефон, вышла на лестничную площадку и убежала.

17 июля (вторник)

Миша замучил меня звонками и смс-сообщениями. Обещает все объяснить, но я проверю сама и только потом решу, стоит ли ему довериться. Он каждый день торчит на пляже, я это знаю точно. Нужно взять камеру с хорошим зумом и проследить за ним: думаю, он выходит из дому где-то в 9, машины у него нет, метро за город не ходит, значит, остается

только автобус. Согласно карте, все загородные маршруты проходят через станцию Карла Маркса. Напротив есть кафе, если правильно подобрать столик и взять сильную камеру, будут видны пассажиры каждого автобуса.

18 июля (среда)

Слежка без результатов.

19 июля (четверг)

Слежка без результатов.

20 июля (пятница)

Наконец-то увидела Мишу, он ехал в 27 автобусе. Завтра надену свою синюю мешковатую кофту – там такой большой капюшон, что лица вообще не видно, меня в ней частенько путали с мальчиком, – кроссовки, спортивные штаны и кепку; если честно, в этом уже нет смысла, но так хочется довершить образ — главное, не перестараться.

21 июля (суббота)

В 9 утра зашла в автобус на Карла Маркса, Миши в нем не было, пришлось выходить. Так повторилось трижды, пока наконец, не пришел тот самый, в котором сидел Миша. По сравнению с Исааком, пунктуальности в Михаиле не было вовсе. Я заняла место за ним, тот ничего не заподозрил, просто сидел, слушал плеер. Ехали мы где-то около часа, пока Миша не вышел у поселка городского типа имени Алексея Стаханова. Там действительно располагался неплохой пляж. В детстве я была на нем раза три-четыре. Но Миша направился в сторону, противоположную пляжу. Я, стараясь держать дистанцию около шести метров, двинулась за ним. Спустя триста метров Михаил свернул на тропинку, я отстала еще на пять метров на всякий случай. Примерно через полкилометра мы вышли к симпатичному заливику с песчаным берегом – судя по рекламе и мощным дорожкам, во времена старой эры тут был платный пляж. Сейчас осталась только старая лодочная станция — именно туда и направился Михаил; остановился на пороге, постучал четыре раза длинными, одним коротким, после чего дверь открылась. Я подождала, пока он войдет, а потом подкралась к тыльной стороне забора станции, аккуратно перелезла через него и стала наблюдать за тем, что происходило внутри, через щель меж досок в стене станции. Это было помещение квадратов двести, в котором не делали ремонт, наверно, лет сорок. В центре стоял какой-то странный станок, вокруг которого что-то возбужденно обсуждали человек пятнадцать, часть из них параллельно поднимали и опускали пресс, другие полировали тонкие алюминиевые трубы, заляпанные чем-то вроде мазута — среди них был и Михаил (вот от куда у него эти мозоли на пальцах). Так продолжалось около пяти минут, пока в зал не вошел еще один человек. Все тут же замолчали и прекратили работу, мужчина заговорил. Я бы не поверила своим глазам, но у меня еще есть уши и услышанное подтверждала весь ужас увиденного! У меня был с собой диктофон, сейчас я дословно перепису то, что мне удалось узнать с его помощью.

«Я не хотел бы быть рабом и не хотел бы быть рабовладельцем. Это выражение моего понимания демократии!» — говорил Авраам Линкольн! Святой человек со святым именем — у этой страны не было лучшего правителя! Убежденный, что в управлении страной должны принимать участие граждане, которым и принадлежит закон на самом деле! А кому принадлежит закон сейчас? Партийным крысам, бесчинствующим на землях некогда великого и свободного народа! Паразитирующие на нашем труде трутни в бетонном улье! И при всем при этом они позволяют себе бесчинства! 58 статья, созданная, чтоб карать врагов народа, служит инструментом партийных деспотов для подавления воли граждан. Оккупанты, узур-

пирующие власть, которые имеют наглость поучать нас, учить принципам морали и порядочности! Деспоты и тираны, которые требуют, чтоб мы называли их товарищами!»

Крис, ты и представить себе не можешь, кто был автором этой отвратительной тирады! Это был Исаак!

Глава 3. Тройственность

Часть 1. Акведуки

В чем проявляется истинная сила человека?

Если я скажу, что в поступках, думаю, окажусь прав. Наверяд ли есть качество более важное, чем сила воли! Мы все рождаемся разными, с разными возможностями. Будь то сила, интеллект или, разумеется, социальный статус. Но именно поэтому нам дана воля — слабый может стать сильным, глупец мудрецом, а нищий богачом.

Но есть одно небольшое «но»: сила воли – это дар, который также дается нам по праву рождения.

Воля людей способна менять мир, и нет ни одного человека на Земле, который не хотел бы изменить этот мир, нет ни одного человека, который был бы согласен со всем тем, что происходит в этом мире!..

Воля людей способна изменить мир...

«Как же хочется есть – не припомню, когда я последний раз был так голоден! У меня вроде еще остались какие-то гроши, так, посмотрим... три сотни... нет, ну это уж слишком, я будто Раскольников – такой же отвратительный нищий мечтатель. Интересно, где меня ждет моя старуха-процентщица? – молодой человек залился истерическим смехом. – Как же там было?»

Юноша достал замызганную тетрадку, пролистал несколько листов и ткнул пальцем в середину страницы. «Лучшие мысли великих умов» гласила длинная надпись, написанная до неприличия корявым почерком. Под надписью красовалась цитата Достоевского

«Бедность не порок, это истина. Знаю я, что и пьянство не добродетель, и это тем паче. Но нищета, милостивый государь, нищета — порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто. За нищету даже и не палкой выгоняют, а метлой выметают из компании человеческой, чтобы тем оскорбительнее было; и справедливо, ибо в нищете я первый сам готов оскорблять себя».

«Эх, – вздохнул юноша, – ты прав, Фёдор Михайлович, нищета отвратительна, а ведь мы с ней теперь попутчики, значит, и я отвратителен... Так, соберись, надо поесть, купить сигарет и позвонить ей (от чего-то одного придется отказаться)».

Подумать только, три дня прошло, как последний раз видел ее, да и помыться не помещает. А вот и пункт четыре.

Юноша постучал в окно три раза. Из окна высунулась голова афроамериканца лет двадцати пяти.

– Пачку сигарет, пожалуйста, самых дешевых.

– Тебе крепких или легких?

– Крепких.

– Могу предложить за ту же сумму синтетику.

– Нет, спасибо, я в завязке.

– Как знаешь, брат, вот твоя сдача.

– Сдачу залей на этот номер.

– Да там же всего тридцатка, даже на минуту не хватит.

– Залей, говорю!

– Хорошо, хорошо, тока остынь, ладно.

Юноша забрал сигареты и быстро нырнул в ближайший переулок. Торговец в свою очередь пробурчал что-то вроде «когда ж вы подохнете, низшие».

Так, звонить нет смысла, напишу, чтоб перезвонила. Ну, давай же, перезванивай, давай!

– Алло.

– У тебя опять нет денег?

– Просто вовремя не пополнил, а вблизи ни одного пункта.

– Ну да, ну да, что тебе надо?

– Ты не хочешь со мной разговаривать?

– Удивительно, правда?

– Только не ври!

– Тебе больно надо.

– Не хотела бы говорить, не перезвонила, или я опять не прав?

– Все то же высокомерие. Откуда такое себялюбия у наркомана?

– Я завязал!

– Две недели без дозы, тоже мне завязка.

– В этот раз точно все. Я же обещал!

– А чего стоят твои обещания? Докажи хоть раз делом, а не словом!

– Вот увидишь, не пройдет и года, как из Акведуков я перевезу тебя на средний уровень града!

– Тогда и поговорим, а сейчас я хочу спать.

– Эрика!

– Что?

– Я люблю тебя.

– Иди спать!

В трубке слышны серии коротких гудков.

«Эх, женщина... Интересно, зачем вообще нам отношения? Деньги, нервы, время – они забирают все и не дают за это ничего! Ну, может, только секс, так если подумать, секс можно получить, воспользовавшись услугами проститутки. Если посчитать траты на подарки и ухаживания, возможно, выйдет даже дешевле, избавит от переживаний, да и не займет драгоценное время! А самое главное, все будет предельно честно: чисто коммерческие отношения, где суесловие будет просто неуместно! — *размышляя про себя, Орфей на ходу распаковывал пачку сигарет, затем поджёг одну и сильно затянулся.* – Уже четыре года прошло, как я ее не видел. Интересно, как она там. А я ведь ее любил, а самое странное, ведь тогда были и деньги, и хорошее место в обществе. А она все равно ушла. Этот ее новый парень, олигофрен – ни мозгов, ни цели в жизни, завод его потолок! Да и лицом явно не вышел! Так почему он? Чем я тогда был хуже? Наверно, для женщин это не главное. Ну, что тогда? Вообще, в этом деле я явно неудачник! Вроде бы ходил весь такой франтом, в лакированных туфлях, блистал зазубренными цитатами, а толку? Все равно по-настоящему меня ни разу не любили. Каждая новая женщина только разбивала мое сердце! Я думал, может, мои достижения слишком незначительны. Но, черт возьми, я был успешнее 97% людей на Земле как минимум, но любовь так и не пришла ко мне! Наверно, я обречен! Даже нет, я проклят! Хоть бы этот мир провалился в бездну! Со всеми его счастливыми влюбленными! Чтоб вы сдохли! Все! Пойду к двадцать седьмому причалу, там, говорят, нет зрячих, значит, можно будет наконец-то поспать. Хотя там много воров, а у меня все равно ничего нет».

– Вставай, кусок мусора! Я кому сказал, вставай падаль!

– Пойдем уже, у этого бомжа все равно ничего нет.

– Заткнись! На нашем причале уже полгода нет смотрящих, и весь сброд с Акведуков теперь стекается к нам!

Мужчина наклонился к лежащему в собственной крови низшему, приподнял его голову за волосы и плюнул в лицо бедняге.

– Ты думаешь, можешь спать на моем причале, не заплатив мне!

– Я отдам все, что угодно, только не бейте пожалуйста.

– В этом и вся проблема, у тебя ни хрена нет! Сейчас я буду медленно перерезать тебе гортань, мусор! А потом брошу здесь гнить на память таким же кускам падали, как ты.

– Кир, пойдём, он этого не стоит.

– Потрокул.

– Да?

– Если ты вдруг возомнил себя сверчком Джимини, мне все равно, но я, твою мать, не Пиноккио, мне мозги иметь не надо!

С этими словами мужчина перерезал глотку низшего, заливаясь безумным смехом (на самом деле это даже смехом нельзя было назвать, скорее припадок – сложно себе представить, что-то более жуткое).

– Ты опять это сделал, – сказал второй мужчина, тяжело вздохнув.

– «Ты опять это сделал, как ты мог?» Ты стал такой тёлкой, Потрокул!

– Еще слово, Кир, и я убью тебя.

– Ой, прости, Джимини.

Собеседник Кира молча сунул руку во внутренний карман куртки, через секунду шелкнул взведенный курок. Кир обтер нож о рукав жертвы, привстал с корточек и приготовился к нападению. Где-то около десяти-двадцати секунд оба смотрели друг другу в глаза. Кир было дернулся, чтоб совершить прыжок, но его остановила вибрация телефона в джинсах. Он медленно вынул телефон из кармана и ответил, прижимая щекой трубку к плечу, чтобы не опускать нож.

– Да, шеф. Но, шеф... Да, я понял! Такого больше не повторится.

Кир секунд двадцать подержал трубку, затем, очевидно, закончив разговор, положил ее в карман, а нож убрал в чехол на поясе.

– Нам пора, шеф сказал, есть работа.

Потрокул кивнул и убрал руки в боковые карманы куртки. Затем оба мужчины пошли вверх по улице. Звук их шагов медленно угасал, пока его не стало слышно. После того как страшная парочка скрылась в пелене утреннего тумана, двое бездомных выползли из-за кустов позади скамейки, где произошло это страшное убийство.

– Черт возьми, что это был за маньяк? – поинтересовался тот, что был помоложе. Параллельно парень отряхнул землю с колен и выдохнул столб пара, который медленно поплыл по влажному морозному воздуху причала. Затем быстро потер руки одна о другую, дабы хоть немного согреться, и подошел к блеклому уличному фонарю. Фонарь, судя по всему, был неисправен, так как периодически начинал моргать. Под фонарем стоял какой-то странный бродяга. Сложен он был неплохо, довольно высокий, примерно метр девяносто в высоту. Широкая спина и сильные руки говорили, что мужчина привык к тяжелой работе. Волосы у незнакомца были русые, а глаза карие, лицо покрывала щетина. Но при всей мощи своего тела, бездомный еле стоял на ногах от усталости, руки его дрожали, а под глазами были огромные круги. Нищий какое-то время помедлил, будто прицениваясь к молодому парню, но потом ответил:

– Кир, а второй Потрокул, оба работают на Танго. Жуткие типы, меня бросает в дрожь от одного их имени.

Юноша ехидно улыбнулся

– Танго — это как танец? В жизни не слышал более тупорылого имени.

– И не услышишь больше, если будешь и дальше так говорить! Он хозяин всех Акведуков, говорят, это из-за него на двадцать седьмом причале нет смотрящих.

– Не носи чушь, это невозможно!

– Все возможно, если ты один из жителей Импертариона.

– Зачем богачу спускаться в Акведуки?

– Кто-то же должен следить за сбродом внизу. Кстати, я Клот, а как тебя зовут?

– Орфей.

– И как же ты, Орфей, додумался спать на скамейке парка в таком месте?

– Не пойми меня неправильно, Клот. Если бы ты меня не стащил в те кусты, я уже был бы мертв, и я благодарен тебе. Но я не ищу друзей.

– А что ты ищешь, Орфей?

– Работу.

– С работой на причалах проблем никогда не было.

– Да, но я хочу, чтоб мне платили деньгами, а не наркотой.

– Тогда пойдем со мной, бьюсь об заклад, у нас в доках найдется работа.

– Кто ты, Клот? Ты не похож на наркомана?

– Я им был в прошлом.

– Как и все тут. Сколько ты уже в завязке?

– Где-то полгода. Когда хочешь попасть на средний уровень, все для этого сделаешь, не так ли?

– А мы с тобой похожи, Клот, я тебе верю.

– Ну, тогда пошли в доки.

Часть 2. Ватикан

Такие грязные коридоры – мерзость! А зловоние, будто мы в сточных водах! Викарий, неужели казна платит недостаточно средств, чтоб чистить темницу? В конце концов, церковь Ватикана – историческая ценность для всего человечества!

Вернее будет сказать, была исторической ценностью — теперь это просто тюрьма.

Пожилой мужчина, одетый в черную рясу с ярко-красным капюшоном, приподнял над головой керосиновую лампу, и тусклые лучи рассеяли тьму коридора где-то на пять метров вперед. Это переполошило парочку крыс, дерущихся в углу у огромной чугунной двери в конце коридора, и грызуны с писком разбежались в стороны. Старик подошел к двери и поднял с пола кусок обглоданного мяса (видимо, как раз из-за него сражались крысы), затем поманил жестом леди, брезгливо семенящую сзади.

– Леди Саша, посмотрите сюда.

– Что это, викарий?

– Это мизинец правой ноги, скорее всего, одного из заключенных. Крысы часто нападают на ослабших после пыток заключенных, будем надеяться, что это не ваш каноник.

– Какая мерзость.

Леди поднесла правую кисть ко рту, сдерживая позывы рвоты.

– Возможно, вам не стоит углубляться в тюремные коридоры, зрелище, скажем прямо, нелицеприятное.

– Об этом не может быть и речи, викарий, я на задании.

– О, прошу, называйте меня Ричард, вы же моя гостья.

– Как скажете, Ричард, мы можем уже войти?

– Если таково Ваше решение.

Викарий со скрипом отворил дверь, в нос ударил затхлый запах крови и нечистот, с другой стороны коридора стали доноситься стоны и вопли заключенных. Старик шагнул внутрь, Саша немного замешкалась, собралась с духом и последовала за ним. Преступив порог, леди оказалась в идеально чистом холле со знаменами старой эры и стенами, обшитыми бордовым шелком. По стенам были развешаны картины с изображением подвергаемых пыткам людей. Под каждой из картин располагались орудия пыток.

– Что это за место, Ричард?

– О, это мой маленький музей, моя гордость. В этой комнате, леди Саша, собраны все орудия пыток Инквизиции старой эры.

Саша подошла к странной железной пирамиде, стоявшей на столике с тремя чугунными ножками, на потолке висели веревки и ремни. Подняв глаза чуть выше, Саша увидела картину, где пытали женщину с помощью этого странного устройства. Женщину поднимали с помощью ремней на вершину пирамиды двое мужчин и постепенно опускали вниз, заставляя ее собственным весом насаживать свои половые органы на заостренную вершину пирамиды.

– А у вас наметанный взгляд! Подошли к самому ценному образчику искусства пыток. Бдение держит заключенного в сознании всю процедуру, не причиняя ему сильных физических повреждений, к примеру, как стул ведьм, но при этом объекты пыток испытывали воистину адскую агонию.

Саша вновь опустила глаза к пирамиде и увидела на ней пятна свежей крови.

– Там свежая кровь, Ричард!

– И действительно, это пятно немного похоже на кровь.

– Неужели этим орудием недавно кого-то пытали?

Пожилый викарий медленно выдохнул и посмотрел в глаза Саши:

– Я предупреждал вас, дитя. Подвалы Ватикана скрывают тайны темной стороны нашей власти. Редко кто возвращается, войдя однажды в коридоры этой темницы.

– Но это ужасно, что вы тоже пытаете людей, Ричард.

– Попав в кандалы Инквизиции, человек перестает быть человеком! В этой темнице невиновных нет, леди Саша. К нам попадают выродки, обреченные на вечные муки в аду. Наше задача обеспечить подготовку к их нелегкой судьбе.

– О, как благородно с вашей стороны, викарий!

Ричард указал пальцам на гобелен чуть правее выхода из зала. Золотые буквы на белом фоне гласили «Милосердие и справедливость».

– Под таким вот девизом просуществовало в Португалии почти три века ведомство Священного правосудия святой Инквизиции. Его переняло и нынешнее управление. У меня нет сомнений в нашем деле. На этом считаю нашу экскурсию законченной и прошу пройти за мной; искренне надеюсь, что ваш пленник еще жив и не сошел с ума. Вам же могу посоветовать надеть эту маску.

Викарий протянул фарфоровую карнавальную маску леди. Александра с недоумением посмотрела на мужчину.

– Понимаете, леди Саша, после вашей реакции на увиденное в музее я полностью уверен, что наблюдать пыточную темницу вам без надобности. Поэтому я предлагаю вам надеть этот прибор. У нас его называют томницей — в маске-томнице нет прорезей для глаз, поэту сами пытки вы не увидите, также в ней имеются затычки в уши, дабы гости не слышали криков заключенных, и, конечно, в нее встроены специальные ароматизаторы. Букет запахов в пыточной тоже весьма своеобразен: тут и кровь, и паленая кожа, да и в довесок экскременты — знаете, многие заключенные абсолютно теряют достоинство, уже после первой же пытки начинают ходить под себя. Некоторые говорят, что при сильной боли это нормальное явление. Я же склонен считать, что все же данное явление происходит от свинства и малодушия. В общем, вам лучше надеть томницу.

Леди ненадолго задумалась и все же решила надеть маску. Викарий радушно взял Сашу под руку и повел в глубь темницы Ватикана.

Часть 3. Курорт Конфедерации

- *Пора вставать, сэр.*
- *Еще пять минут, Михаил!*
- *Через полтора часа у вас репетитор, а вам еще нужно успеть принять ванну и позавтракать.*
- *Репетитор, опять учеба! Сегодня же воскресенье!*
- *Новейшая история, сэр. Вы же знаете, Профессор Вальмер по будням практикует в университете, поэтому ваши занятия проходят по выходным.*
- *И почему бы мне тогда самому не учиться в университете? Было бы меньше проблем.*
- *С простолюдинами — никогда! Что бы сказал ваш отец на это рвение!*
- *Михаил, мы должны ценить рвение живых, а не предрассудки покойников! Ступай, я через двадцать минут спущусь.*

На мгновение лицо дворецкого извергло раздраженную гримасу, но тут же вернулось в привычное состояние покорности, и, отвесив аккуратный поклон, слуга закрыл дверь с обратной стороны. Юноша раза два-три зевнул и нехотя присел на край кровати. Утреннее солнце мягким светом заливало всю спальню, теплый летний ветер доносил запах недалекого океана. Молодой человек медленно встал, вышел на балкон, оперся локтями о поручни и стал наблюдать за необычайной красотой курортной зоны Конфедерации. Так как в курортной зоне здание отеля было единственным высотным зданием (весь же остальной город был усыпан небольшими сооружениями пятивековой давности), ближе к горизонту виднелся океан. Снизу доносился шум от кэбов, развозящих знатных господ, которые куда-то спешили с утра пораньше. «Странно, – подумал юноша, – вроде бы курорт, а все то же, что и в *Империарионе*, та же суета...» Размышления юноши прервал телефонный звонок.

- *Добрый день, мое имя Майкл Ковс, констебль местного отделения полиции. В районе отеля замечен отряд бунтовщиков. Не могли бы вы ответить на несколько вопросов?*
- *«Защитник вольности и прав в сем случае совсем не прав».*
- *Прошу прощения, сэр?*
- *Это Пушкин, констебль.*
- *Мне кажется, я вас не совсем понимаю, сэр*
- *А понимать тут нечего, господин полицейский, вы не правы в двух случаях, во-первых, сейчас не день, а утро, а во-вторых, я не допускаю, чтоб такие мелочи отнимали мое драгоценное время. И впредь по всякой подобной мелочи прошу вас обращаться к моему дворецкому. Всего хорошего.*

Через секунду констебль местного отделения полиции на другом конце провода слушал короткие гудки аппарата. Юноша небрежно бросил телефонную трубку на пол и продолжил любоваться лучами солнца. Спустя некоторое время он потянулся и решил принять душ. Войдя в ванную комнату, молодой человек обнаружил на полке белый пакетик, ложку, жгут, шприц и зажигалку. «Как мило: Михаил знает, что с утра меня могут растормошить только героин и кофе».

Глава 4. Мрак и Золото

Убив волчицу, но пожалев волчонка, не удивляйся, проснувшись с клыками возле шеи.

– *Это и есть Доки?*

– *А что, ты ожидал увидеть зловонные развалины, кишащие всякими гнусными типами? Вдохни глубже, друг мой — так пахнет твой первый шаг к свободе!*

Орфей стоял в весьма опрятном порту, полном жизнерадостных господ, которых провожал по паромам местный персонал, одетый в форму с зелеными воротничками – так их здесь и называли. С первого взгляда юноша понял, что Доки кардинально отличались от причалов в Акведуках! В портах, как правило, работали грязные заморенные люди в полной зависимости от наркотиков – ими и выдавалось шестьдесят процентов заработной платы. Оставшуюся часть оклада составляли продукты и иногда одежда, и даже эти крохи многие обменивали на наркоту. В доках все было по-другому: чисто, солнечно, зеленые воротнички откормлены и жизнерадостны! Первый раз за долгое время Орфею захотелось улыбнуться, юноша сделал глубокий вдох, как посоветовал новый друг Клот, и совершил первый шаг к своей свободе. Свободой оказалась линия, отделяющая Доки от соседнего шестьдесят девятого причала. Тут же к нему подошел мужчина с автоматом наперевес в яркой оранжевой форме и протянул что-то вроде трубочки с синей дымкой внутри.

– *А, не беспокойся, Орфей, это тест на наркотики. В Доки не пускают людей, которые употребляют наркотики, таков закон; дунь в нее и докажи, что ты чист. Если после того, как ты подуешь, дымка станет зеленой, значит ты не употреблял больше месяца, если же красной — тебя не пропустят.*

Молодые люди по очереди подули в трубки, оба раза дымка внутри принимала зеленый оттенок.

– *Клот, а почему в Доки не пускают людей, употребляющих наркотики? Насколько я знаю, и на среднем уровне града, и в Серпентариуме они разрешены.*

– *Разрешены, это, конечно, да. Но употреблять наркотики на среднем уровне града считается скверным, бывает даже, что людей переселяют в Акведуки. А любой из господ Серпентариума опозорит имя своей семьи, если в свете станет известно, что он употребляет. В общем, наркотики — удел нищих.*

– *Но, Клот, Доки – это же, как-никак, часть Акведуков?*

– *Доки, Орфей, это что-то вроде двери, как раз то звено, что отделяет Акведуки от среднего уровня града. Нельзя попасть на средний уровень, не проработав пару лет в Доках, тем самым доказав, что ты перевоспитался. Но, по крайней мере, нам так говорят!*

– *А что ты думаешь?*

После слов Орфея Клот потихоньку начал сбавлять шаг, затем вовсе остановился.

– *Орфей, ты знаешь, сколько человек населяют Акведуки?*

– *Ну, думаю пара миллионов, а что?*

– *Шесть! Шесть миллионов человек! И все они наркозависимые. Каждый из них готов на все, чтоб получить дозу.*

– *Это их выбор. Если захотят изменить свою жизнь, могут, как мы, прийти сюда, верно?*

– *Нет, не верно! Я слышал, скоро в Доках устроят пропускной режим.*

– *Пропускной режим? Но зачем?*

– Раньше Доки задыхались от нехватки рабочей силы, иногда им даже приходилось нанимать наркоманов, хотя ты сам понимаешь, какой это риск. Сейчас же, наоборот, рабочей силы в избытке, а значит, в шансе на то, чтоб изменить свою жизнь, вскоре многим будет отказано.

Орфей поднял голову и увидел, как группа рабочих срывает мотивационный плакат на одной из высоток.

«Каждый выбирает свой путь», – гласила желтая надпись в левом углу баннера. Баннер был разделен линией на две половины: на одной был нарисован рабочий в серой форме, в руках он держал жгут и шприцы; а второй половине была нарисована необычайно красивая женщина. Её безумно яркие рыжие волосы были сплетены в аккуратненькую полукорону из двух кос. Светло-зеленые глаза прекрасно дополнял воротничок того же тона. Девушка радужно улыбалась со своей половины и махала рукой Орфею.

– Клот, кто эта девушка на плакате?

Клот в недоумении поднял глаза к плакату, а затем рассмеялся.

– Не время, дружище, сейчас бегать за бабами, особенно если они всего лишь картинки.

– Да, ты, наверно, прав... Скажи, а почему ты сказал, что нанимать наркоманов на работу в Доках большой риск?

– Орфей, ты что, с луны свалился? Ты вообще в курсе, куда ты попал?

– Если честно, я не слышал о Доках до встречи с тобой, Клот.

– Вот те на, я-то думал, уж где-где, а в Акведуках каждому известно про Доки.

Клот опустил глаза к своим ботинкам, собираясь с мыслями, пару секунд подергался, будто не решаясь, говорить или нет, и, спустя полминуты произнес на выдохе:

– Орфей, ты находишься на крупнейшем заводе по производству наркотиков в мире!

– Что? Почему ты мне не сказал сразу! Ты же знал, что я хочу бросить наркотики!

– Знал, поэтому и пригласил тебя сюда! Если ты не заметил, в Доки невозможно попасть наркоману!

– И что, работа, которую ты хотел мне предложить – это производство наркотиков?

– А больше работы в Акведуках нет, если ты еще не в курсе! Так и будешь пахать за дозу, тогда скатертью дорожка!

– Тебе самому-то не противно? Травить людей! Ты сам был зависимым, я знаю, ты еще помнишь этот кошмар!

Клот остановился, его тело колотила дрожь, на руках выступила гусиная кожа, сделав вдох, он медленно присел на бордюр и обхватил руками голову.

– Я знаю, Орфей, что это ужасно, но другой работы нет и не будет. Пока я не выберусь из этих чертовых Акведуков. Либо травись, либо трави. Мы еще успели с тобой пройти, но рабочих теперь хватает, как я и говорил. А значит, люди вынуждены подыхать! Там за забором начинается мир, из которого мы пришли, и я не хочу назад, не хочу! Да, мне придется стать одним из этих пресловутых зеленых воротничков, вечно улыбающихся с плакатов, но это лучше, чем быть забитым уродами на причале! Я пойду до конца, Орфей! Вопрос, пойдешь ли ты со мной?

– Ваш кофе, сэр.

– Ещё дальше нельзя было? Понаберут всякий сброд!

– Дорогой, не хамай официантам, помнишь, я тоже когда-то была одной из них.

– Быть официанткой на среднем уровне не то же самое, что в Акведуках, посмотри на него — он же точно был наркоманом. Правильно, что их держат в изоляции...

– Дорогой, у нас отходит паром, давай поторопимся.

С этими словами молодая симпатичная брюнетка потянула уважаемого пожилого господина за локоть. Джентльмен явно выражал недовольство, что его отвлекают от любимого дела, но, увидев лучезарную улыбку молодой леди, растаял и ответил нескладной физиономией. «Наверно, так улыбается морж», – подумал Орфей, вглядываясь в блестящую плешь удаляющегося пожилого господина. «*Подумать только, прошел всего месяц, как я сюда прибыл, а проход действительно закрыли, как предполагал Клот*», – думал молодой человек, поглаживая зеленый воротничок. Юноша медленно потянулся, зевнул, подошел к двери и перевернул табличку с надписью «открыто» – на ее место встала табличка, говорящая посетителям, что заведение не работает. «*Налью-ка и я себе кофе*», – подумал Орфей, лениво потягивая руки, всматриваясь в лучи медленно гаснущего солнца. «*Как хорошо, что в Доках оказался, помимо завода по производству наркотиков, еще и перевалочный порт для круизных лайнеров Конфедерации – все-таки я не смог бы производить эту гадость*», – размышлял Орфей, тихонько грея руки об кружку с кофе. Тишину нарушил телефонный звонок.

– Да, слушаю... Алло!

– Привет.

– Эрика? Это ты?

– Да. Ты давно не звонил

– Ну, ты ясно дала понять мне, что не хочешь меня слышать.

– Я говорила тебе это на протяжении двух лет. Но это не мешало звонить тебе по два раза на дню!

– Наверно, мне надоело!

– Я знаю тебя, Орфей, ты не звонишь только когда все хорошо, как только становится тяжело и плохо, ты сразу вспоминаешь, что у тебя есть любящая сестра. Ты опять начал колотиться? Откуда у тебя деньги, ну ужели начал воровать?

– Ты отчасти права. У меня действительно все хорошо. Но я некогда не забывал о тебе. Ты же сказала прошлый раз: докажи делом, а не словом. Вот я и доказываю, я решил не звонить тебе, пока не смогу перевезти тебя на средний уровень града.

– Орфей, где ты, хватит меня мучить! Я боюсь за тебя, и Кевин спрашивает, где его дядя, что я должна ему говорить?

– Скажи, что все хорошо, я работаю, сегодня получил первую зарплату. Кстати, можешь проверить почту, я отослал тебе немного денег, пока больше не могу, прости.

– Так это твой перевод. Орфей, не нужно было...

– Нужно, я столько лет сидел на твоей шее, сестра. Но теперь все изменится, я обещаю!

– Где ты работаешь?

– В Доках. Официантом в одной прибрежной кафешке.

– Тебя взяли в Доки? Ты не врешь, Орфей?

– Я не вру, сестра.

– Я так счастлива за тебя, нет, я просто горжусь тобой, брат, приходи в гости на выходных. Мы переехали на одиннадцатый причал, это, конечно, не Доки, но из всех причалов в Акведуках он самый приличный. Это единственный причал, где не продают наркотики, теперь тут живут люди, которых не пустили в Доки, но они не хотят возвращаться к прошлой жизни. Ой, подожди секундочку, Кевин пришел, сейчас позову к телефону.

– Дядя, ты тут?

– Привет, Кевин, как у тебя дела?

– Хорошо, как у тебя? Ты почему к нам не приходишь?

– Я приду в гости к вам на выходных.

– Ты не обманываешь?

– Нет, не обманываю. Как там дела в школе?

– Да все хорошо.

- *Точно? Я же приду, проверю.*
- *Тебя мама зовет.*
- *Ну, дай ей трубку.*
- *Алло, Орфей, прости, но нам пора, приходи в субботу.*
- *Обязательно приду! Пока.*
- *До встречи!*

Орфей медленно положил трубку и закурил сигарету, вглядываясь в закат через блеклое окно закуской. В такие моменты юноша становился излишне наигран, несмотря на то, что рядом с ним никого не было. Страхивая пепел на лакированную барную стойку, Орфей размышлял о ней. Нет, он был рад разговору с сестрой, но в глубине души понимал, почему не звонил ей и избегал встречи. Сестра для юноши была чем-то вроде спасательного буя в то время, когда от него ушла Она. Именно из-за того, что юноша был отвергнут любовью всей его жизни, он и начал употреблять наркотики, а сестра действительно, как буёк, вытянула его из океана скорби и отчаянья. Но в этом и заключается вся проблема! Как можно увидеть буй и упустить из виду океан! Поэтому поход к Эрике вызывал двоякое впечатление у Орфея. Вроде бы, конечно, и очень хотелось увидеть сестру, но в то же время он уже начал думать о Ней, а это плохо, очень плохо...

Размышления Орфея прервал стук в закрытую дверь закуской. Юноша поднял глаза от стойки, увиденное ввело парня в ступор. В дверь кафетерия стучалась молодая девушка с того самого плаката, который Орфей видел в первый день в Доках. Юноша сразу узнал её, несмотря на то, что вместо лучезарной улыбки на ее лице застыло отражение истинного ужаса. Ярко-зеленый воротничок стал багровым из-за раны в предплечье, из которой обильно сочилась кровь. Девушка зажимала рукой рану и что-то умоляюще кричала. Секунду помедлив, Орфей все же побежал ей навстречу и отпер входную дверь. Девушка рухнула без сил, Орфей еле-еле успел ее подхватить. Оттащив потерявшую сознание леди к стойке, юноша почему-то побежал к двери и убрал капли крови у порога, затем вышел из кафе и проделал тоже самое с пятнами в паре метрах от закуской. Быстро вернулся назад, запер дверь на ключ, подбежал к девушке и аккуратно перенес ее на кухню, сам же спрятался за барной стойкой. За стойкой был такой угол, из которого можно было разглядеть зеркало на соседней стене, а через зеркало просматривался вход в кафе и два окна возле него. При этом снаружи, естественно, юношу никто бы не увидел. Опасения Орфея оказались не напрасными: как только он скрылся за стойкой, мимо закуской начали туда-сюда шнырять какие-то типы, некоторые стучали в дверь, другие всматривались в окно. Орфей думал только об одном: лишь бы его спутница оставалась без сознания.

А между тем, незнакомцы все усиленнее вглядывались в окно закуской; осознав, что происходит, Орфей с ужасом проронил: «*Зряше*».

Глава 5. Можешь называть меня Богом

Без воли к самосовершенствованию потухнет даже самый сильный разум...

Кто-то постучал в дверь.

– Сэр, профессор Вальмер уже внизу, – медленно отработовал статный голос дворцового.

– Попроси прощения за нерасторопность, я спущусь через две минуты.

– Слушаюсь, сэр.

Каблуки туфель дворцового быстро зацокали вдаль, становясь все тише и тише, пока не сникли вовсе.

«И какой костюм мне сегодня выбрать? Может быть, бежевый, его сшил молодой талантливый портняжка, как там его... Нет, пожалуй, сегодня подойдет что-то более консервативное, а вот и он, шикарный вельветовый, темно-коричневого цвета. Да, Дэниэль несомненно продал душу, чтоб научиться шить такие вещи. Жаль, что он оказался шпионом сопротивления, сам виноват — пусть теперь шьет костюм дьяволу! Так, ладно, хватит тратить время впустую. Сегодня после курса истории подготовка к параду, так что костюмы не к месту, надену сразу форму. Интересно, что сегодня расскажет профессор. Пора узнать это».

Рассуждая про себя, юный господин надел парадную форму штандартенфюрера сил Конфедерации и спустился в кабинет, где его ждал преподаватель.

– Доброе утро, профессор. Мои глубочайшие извинения за то, что Вам пришлось ждать — дела, дела.

– Guten morgen, юный господин, не переживайте, Михаил скрасил мой досуг приятной беседой и чашечкой чая.

– Предлагаю не терять более времени и приступить к Новейшей истории.

– Позволите ли вы отвлечь Вас еще на секунду, юный господин?

Юноша не проявил ни капли интереса к словам профессора, что последний расценил как разрешение к разговору.

– Понимаете, мой кузен, очень способный мальчик, служит капралом на востоке Конфедерации, на границе с Синтеррой, времена сейчас беспокойные, сами понимаете...

– Вы просите его перевода?

– Не совсем.

– К сути, профессор, вам ли не знать, как дорого мое время.

– Я прошу Вас взять его под свое крыло, господин.

– Я надеюсь, вы шутите, с какой стати мне это делать? Мне присылали героев фронта со всех уголков Конфедерации, и вы прекрасно осведомлены, что я отказался от каждого. Чем же ваш капрал такой особенный?

– Ничем, но я хочу, чтоб он стал особенным, а ваше покровительство – лучшее портфолио, какое я могу ему обеспечить.

– Вы уверены, что можете? Чем же вы планируете меня заинтересовать, профессор?

– Один из моих студентов подложник⁴ сопротивления. И он начальник не простого лагеря, прошу заметить, а целой капсулы⁵!

– И он вам доверяет?

– Больше чем себе, после взятия капсулы вы наверняка получите звание оберфюрера!

– Предложение более чем заманчивое, я его обдумаю, а сейчас все же перейдем к истории, профессор!

– Конечно, юный господин, так на чем мы остановились? А, создание диалексида, точно, вспомнил! Восемнадцатого мая тридцать седьмого года, в институте имени Александра Тимофеевича Верховского был дан старт созданию сильнейшего антитоксина на земле. А именно диалексида. Диалексид. Конечно, его трудно назвать антитоксиком в полном понимании, но более точной формулировки я подобрать не могу. Финансировала данный проект тогда еще никому не известная организация ЗАО «Рабочий день».

– Коммунисты?

– Да, верно, сейчас они обзавелись даже своим государством. И занимают добрую половину мира. Парадокс, не правда ли? Коммунисты захватили власть над всем Западом благодаря успеху коммерческой организации.

– Я слышал, что они готовятся к союзу с демократами.

– О, это вряд ли, на территории демократов вот уже двадцать лет заправляет всем церковь. Коммунисты и церковь просто не совместимы. Но вернемся к делам минувшим. Работы в институте имени Верховского увенчались успехом. Через двенадцать лет гениальный ученый Лев Егорович Мелков создал лекарство, которое взорвало фармацевтический рынок. Диалексид — свойства его столь же просты, как и необъяснимы. Побочный эффект любого препарата сходил на нет, если его принимать вместе с диалексидом. Параллельно возникал еще и положительный эффект! К примеру, ацетилсалициловая кислота (аспирин) приводила к тяжёлым патологиям почек, мозга, лёгких и печени. При приеме вместе с диалексидом, наоборот, оказывала восстановительный эффект почти на все органы. Открытие столь потрясающего препарата привело к демографическому, социальному, индустриальному прогрессу по всему миру.

Но на этом прогресс не остановился — через пятнадцать лет Лев Егорович Мелков совместно с коллегой Коневым Марком Борисовичем презентуют новую версию диалексида, диалексид Ni2. Спектр действия препарата значительно шире: достаточно сделать инъекцию (четыре миллиграмма), и работа на вредном производстве пойдет во благо. Уже через полгода такие вещи, как респираторы и противогазы, можно было увидеть только в музеях. Главным потребителем препарата все же стала не медицина, а оборонная промышленность. Бактериологическое, химическое оружие, последствия лучевой болезни — все это утратило смысл с изобретением препарата. Наступил Золотой век человечества, средняя продолжительность жизни составила сто двадцать лет. Но счастья Мелкову это не принесло. И двадцать четвертого февраля девяносто восьмого года, в то время еще герой всего мира Лев Егорович Мелков публично застрелился, ведя лекцию в Сорбонне. Последними словами Льва Егорыча были «Я просто не могу смотреть, как из моего лекарства делают оружие геноцида!» Мелков умер, и вместе с ним умер свет его творения. Через два года Конев, товарищ и коллега Мелкова, который помогал ему дорабатывать первую версию диалексида, представил миру диалексид Ni3. ЗАО «Рабочий день» позиционировала продукт Конева как финальную версию препарата. Новаторство заключалось в том, что диалексид усваивался с алкоголем. Алкоголь был теперь не то что не вреден — он был полезен! Алкоголь укреплял мозг, печень, стимулировал работу почек. Уже через месяц появились полезные сигареты, а через полгода и нар-

⁴ Подложник — офицерский чин в рядах сопротивления, обычно подложники являются начальниками крупных лагерей.

⁵ Капсула — союз трех и более лагерей сопротивления.

коттики. Мало того, что диалексид нового поколения убирал патологии от наркотиков, он еще и развивал возможности человека. Я поясню. Если раньше марихуана губительно сказывалась на памяти, то после ее употребления с диалексидом нового поколения человеческая память становилась более емкой примерно на процентов пятнадцать, через год этот показатель вырастал до сорока. Первыми легализацию всех видов наркотических средств приняли страны Южной Америки, такие как Аргентина и Бразилия, надеясь улучшить рост своей экономики. Следом, на всеобщее удивление, консервативная Великобритания. Через полгода наркотики были не легализованы только в трех странах Земли. Не было смысла сдерживаться. Воздерживаясь от наркотиков, ты становился хуже других. Более слабое здоровье, менее развитый интеллект, сравнительно слабое физическое развитие. Таковы были последствия неупотребления наркотических препаратов. Героин стали прописывать беременным женщинам и детям. Естественно, такой мир не мог просуществовать долго. Первоначальные плюсы быстро перешли в минусы, экономика рухнула, в мире наркоманов никто не хотел работать. От демографического роста не осталось ни следа, выросла преступность. Люди при всей своей развитости превратились в стадо, ведомое только животными потребностями, в редких случаях, и материальными благами. Они забыли главное: без воли к самосовершенствованию потухнет даже самый сильный разум. Немногим удалось сохранить благоразумие и рассудок. Эти немногие стали лидерами в будущей войне и созданном после нее новом мире.

– Война, – медленно протянул молодой человек, профессор хотел продолжить, но заметил, что юноша устремил взор куда-то сквозь него. Больше минуты стояла мертвая тишина, профессор начал нервничать, молодой человек все молчал. Так больше продолжаться не может, кричало что-то внутри старца! Почему-то профессору было крайне тяжело сидеть с этим хмурым молодым человеком; взгляд юноши становился все тяжелее и тяжелее, Вальмеру стало казаться, что его душат, в глазах мутнело, ноги становились ватными, а веки наполнялись свинцом. В итоге, профессор отключился и растекся по спинке кресла. Юноша заговорил.

– Знаешь, Михаил, я, конечно, слишком молод, но мне кажется, нынешняя война куда страшнее третьей мировой.

Из-за угла медленно вышел дворецкий и присел рядом с юным господином.

– Возможно, вы и правы, сэр, та война была прихотью черни, глупого стада. Туча наркоманов с завышенной самооценкой, каждый из которых мнил себя новым Че Геварой. Наркотики усилили их хлипкий разум, дав им хоть какое-то отличие от животных. Но они потеряли и это, опустившись еще ниже, самореализовываясь убийством себе подобных.

– Тогда единицы достойных поделили планету на три оплота и спасли нас от страшной участи. Но чернь вновь недовольна, когда же букашки успокоятся!

– Сэр, сегодня враг серьезней и организованней, чем у ваших предков. К повстанцам благоволят не только многие из нашей элиты, скорее всего, революцию спонсируют коммунисты. Сопротивление пока что слабо, но с каждым днем становится все сильнее, если мы проиграем, это будет конец всему человечеству. Шаткое равновесие в мире держится только на благоразумии дворянства Конфедерации и мудрости нашего монарха. Сэр, вы получили свое звание итандартенфюрера не из-за происхождения, а потому что являетесь мастером закулисной игры. Несомненно, вы серый кардинал этого нового мира!

– Михаил, прекрати это немедленно! Я ненавижу льстецов! Я не такой, как мой отец, моя гордыня не является моей слабостью! Я никому не позволю мной манипулировать! Особенно таким примитивным методом как лезть! Приведи в чувство это ничтожество, – взор юноши пробежал по Вальмеру, который до сих пор находился без сознания, — пусть направляется ко мне, я жду его в кабинете, и побыстрее, у меня сорок минут до репетиции!

– *Слушаюсь, господин.*

Юноша со скрипом отодвинул кресло, резко встал и направился к кабинету. Ударом ноги распахнул дверь. Дверь затрещала и захлопнулась. Сделав глубокий вдох, присел на деревянный резной стул ручной работы, хотел было бросить ноги на стол, но вовремя сдержался, расслабился, закрыл глаза, скрестил пальцы и замер. Прошло минут пятнадцать, пока взбухшая вена на левом виске господина не приняла нормальный размер. В дверь кто-то постучал, юноша открыл глаза.

– *Секунду.*

Молодой офицер открыл верхний ящик стола, вытащил трубку и пакет с белым порошком, высыпал немного на стол и ...

– *А, это вы, профессор, я решил принять ваше предложение по поводу кузена, проходите, нам есть о чем поговорить.*

Глава 6. Безумия

В мире нет тайн только для Господа, бармена и тюремщика...

– Скажу вам правду, викарий, что-то не то с этим каноником. Мы пытали несколько часов, а он только орал, что ему было виденье, мол, он теперь пасынок господень.

– Где он сейчас, министрانت?

– Да ясно где, в камере, попросил плетть, мы думали, повеситься хочет, а он лупит себя и говорит, что за грехи так себя наказывает. Вы меня, конечно, извините, но где это видано, чтоб после пыток заключенные еще сами себя мучили! Чокнулся ваш каноник, как пить дать.

– Это решать не викарию и уж тем более не министранту!

– Значит, все же решили снять томницу, леди Саша?

– Моя обязанность быть стойкой, викарий! Но все же я бы попросила провести меня побыстрей до камеры — не скрою, это место мне неприятно.

– Как пожелаете, министрант, идите вперед, будете освещать нам дорогу.

Юноша снял со стены факел и двинулся вперед группы. Леди Саша презрительно фыркнула: «Инквизиция совсем сошла с ума, можно еще как-то понять эти наряды средневековья — образ все же важная часть любой спецслужбы — но факелы! В новой эре! Похоже, новый иеродьякон совсем заигрался». Пока леди Саша предавалась размышлениям, группа продвигалась в глубь катакомб Ватикана, свет факела отбрасывал назад тени идущих в подземелье, а давящая тишина по каким-то непонятным причинам вместо того, чтобы вселять ужас, располагала к размышлениям. Коридор раздвоился, с одной стороны доносились ужасающие крики и мольбы о помощи, другая же манила безмолвием.

– Точно не желаете взглянуть на пыточную, леди Саша?

Викарий лукаво улыбнулся, указав рукой в сторону, откуда доносились крики. Саша проигнорировала неуместную шутку и указала министранту, чтоб он двигался дальше, в направлении давящей тишины. Около десяти минут вся группа шла в абсолютном безмолвии, что, несомненно, не могло не радовать Сашу. Мысли нитками простирались по ее сознанию, постепенно переплетаясь в узлы, клубки, а иногда и канаты. «Поразительно, но почему здесь так глухо? Я не слышу ни звука, но мы же движемся, да, это точно! Раз мы идем, я должна слышать хотя бы шаги! Мы с министрантом, конечно, довольно худощавы, но викарий мужчина тучный, он не может перемещаться бесшумно», — Саша начала вкладывать все большие усилия в каждый следующий шаг, со стороны это выглядело немного нелепо. «Невозможно, каблучки просто обязаны шуметь, если с такой силой бьются об брусчатку», — думала про себя девушка. Шедший позади викарий протянул Саше какое-то устройство, похожее на рацию и наушники, и сам первый же надел подобное, затем указал жестом сделать то же самое леди. Саша надела устройство, хоть и нехотя. В голове зазвучал голос викария.

– Леди Саша, вы, должно быть, напуганы тишиной, не переживайте, это абсолютно нормально для места, где мы сейчас находимся.

– Я ничего не боюсь, викарий, но признаю, вы разбудили во мне любопытство. Расскажите поподробнее об этом месте.

– С удовольствием, это место называют Цитадель безмолвия. Она здесь с двадцатого века старой эры, еще с Первой мировой. Как вы думаете, Александра, какой самый сильный наркотик в мире?

– Право, я не специалист, но рискну предположить, что это героин.

– Возможно, вы и правы, но наши предки считали по-другому. Юстас Великий уверял, что информация — это самый великий и сильный наркотик. «Человек не может жить без информации, и чем меньше ее, тем несчастнее он сам. Поэтому, чтоб быть максимально

счастливым, саморазвивайтесь, ищите новые и новые источники знаний!» Наша задача, леди Саши, сделать человека максимально несчастным, поэтому во время отдыха от пыток его помещают в Копи одномыслия. Это место полностью отрывает заключенных от мира. Мало того, что они, разумеется, не получают никаких новостей извне, в доверок мы лишаем их счастья видеть и слышать. Это место аномально: какой бы сильный ни был звук в Копи, его просто невозможно услышать, заключенные постепенно сходят с ума. Представьте себе мир без звуков вообще

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.